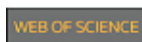

Багирова Е. П. Вербальная репрезентация представлений о материнстве (на материале русских говоров юга Тюменской области) / Е. П. Багирова, Е. Л. Марандина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 26—47. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-26-47.

Bagirova, E. P., Marandina, E. L. (2022). Verbal Representation of Ideas about Motherhood (in Russian Dialects of South of Tyumen Region). *Nauchnyi dialog*, 11(5): 26-47. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-26-47. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-26-47

**Вербальная репрезентация
представлений
о материнстве
(на материале русских
говоров юга
Тюменской области)**

Багирова Елена Петровна
orcid.org/0000-0003-3798-8991
кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русского языка
и общего языкознания
bagirovaelena@mail.ru

Марандина Елена Леонидовна
orcid.org/0000-0002-2752-8118
кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русского языка
и общего языкознания
e.l.marandina@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

**Verbal Representation
of Ideas about Motherhood
(in Russian Dialects
of South of Tyumen Region)**

Elena P. Bagirova
orcid.org/0000-0003-3798-8991
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian and
the General Linguistics
bagirovaelena@mail.ru

Elena L. Marandina
orcid.org/0000-0002-2752-8118
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian and
the General Linguistics
e.l.marandina@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

© Багирова Е. П., Марандина Е. Л., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Систематизируются результаты исследования речевого выражения представлений о материнстве в русских говорах юга Тюменской области. Дialeктные материалы сопровождаются лингвистическим и культурологическим комментарием с учетом контекстуального употребления лексики. В результате интерпретации вербальных маркеров материнства выявлен спектр ситуаций, приобретающих языковую оценку в сельском дискурсе (названия, обозначающие состояние беременности, рождение ребенка и уход за младенцем, номинации внебрачного и усыновлённого ребёнка, аспекты воспитания), установлен характер лексико-фразеологических единиц, избираемых информантами для обозначения тех или иных понятий (диалектное / общерусское, оценочное / нейтральное и т. д.). Представления о материнстве репрезентированы в богатом и детализованном словаре, характеризующемся множественностью наименований одних и тех же реалий, различающихся способами семантической идентификации. Большая часть номинаций характеризуется прозрачной внутренней формой, которая позволяет актуализировать в слове сложившиеся ценностные установки и стереотипы.

Ключевые слова:

русский язык; русские народные говоры; тюменские говоры; диалектное слово; диалектная фразеология; материнство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of the speech expression study of ideas about motherhood in Russian dialects of the south of the Tyumen region are systematized. Dialect materials are accompanied by linguistic and cultural commentary, taking into account the contextual use of vocabulary. As a result of the interpretation of verbal markers of motherhood, a range of situations that acquire a linguistic assessment in rural discourse (names denoting the state of pregnancy, childbirth and child care, nominations of an illegitimate and adopted child, aspects of education) are revealed, the nature of lexical and phraseological units chosen by informants for designations of certain concepts (dialect / all-Russian, evaluative / neutral, etc.). Concepts of motherhood are implemented in a rich and detailed vocabulary, characterized by a plurality of names for the same realities, differing in the ways of semantic identification. Most of the nominations are characterized by a transparent internal form, which makes it possible to actualize the prevailing value attitudes and stereotypes in the word.

Key words:

Russian; Russian folk dialects; Tyumen dialects; dialect word; dialectal phraseology; motherhood.

Вербальная репрезентация представлений о материнстве (на материале русских говоров юга Тюменской области)

© Багирова Е. П., Марандина Е. Л., 2022

1. Введение = Introduction

В статье рассматривается состав номинаций, представляющих понятийную сферу «Материнство» в народной лингвокультуре.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью анализа словарного состава русских народных говоров в разных аспектах, что связано прежде всего с важностью выявления по данным лексики говоров особенностей языковой картины мира, ценностных ориентиров, национально-культурных установок носителей языка.

Целью работы является систематизация лингвистических средств объективации представлений о материнстве, описание их структурно-семантических свойств и культурологического потенциала.

Объектом анализа является лексико-фразеологический пласт русских старожильческих говоров юга Тюменской области. Предметом изучения служит план содержания номинаций, представляющий собой комплекс компонентов значения, репрезентирующий народные суждения о материнстве, а также план выражения анализируемых компонентов значения, позволяющий варьировать их семантические оттенки.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Лексика понятийной сферы «Материнство» неоднократно становилась предметом рассмотрения в статьях, монографиях, диссертациях. Так, контрастивное описание концепта МАТЬ на материале различных языков представлено в исследованиях Н. К. Аванесян [Аванесян, 2012], М. А. Андреевской [Андреевская, 2012] и С. Г. Переваловой [Перевалова, 2016]. Лингвисты анализируют национально-культурные признаки концепта, интерпретируют его лингвокультурное варьирование.

В работах М. А. Андреевской и Г. А. Багаутдиновой [Андреевская и др., 2011], Е. О. Атрощенко [Атрощенко, 2014], И. И. Кареловой [Карелова, 2008], Т. В. Борисенко [Борисенко, 2021], А. А. Кувычко [Кувычко, 2020] уделяется внимание объективации концептов МАТЬ и МАТЕРИНСТВО в текстах художественной литературы и публицистики. Т. В. Борисенко, например, обращает внимание на то, что в медиадискурсе концепт МАТЕРИНСТВО актуализируется через слова и словосочетания, описываю-

щие беременность, роды, уход за ребенком, принципы воспитания, чувства к ребенку и т. д. Социальные сети, по мнению автора, позволяют раскрыть противоположные признаки, наполняющие концепт (например, «хорошая мать» — «плохая мать»), и дополнительные, не указанные в лексикографических источниках (например, «усталость», «ответственность», «ухудшение здоровья») [Борисенко, 2021].

Е. О. Атрошенко считает, что концепт МАТЬ в художественных текстах «выступает как биполярный, с преобладанием положительных коннотаций, что выражается в позитивной эстетической оценке художественного денотата» [Атрошенко, 2014, с. 9]. Данная оценка, по мнению автора, «эксплицируется атрибутивными характеристиками объекта, обладающими положительными оттенками значения (добрая, милая, родимая, нежная и др.)» [Там же].

Существует ряд статей, в которых проводится сопоставление смежных концептов. В работе Т. В. Борисенко сравнивается содержание концептов МАТЬ и ОТЕЦ в русской и англоязычной лингвокультурах [Борисенко, 2020]. Г. О. Ибраимова и А. А. Касимова обнаруживают взаимосвязь между мотивирующими признаками макроконцепта МАТЬ (символические признаки ‘богородица’, ‘начало’, ‘причина’, ‘источник’ и т. д.) и мотивирующими признаками концепта СЫН (символические признаки ‘беременность’, ‘потомок’, ‘ребенок’, ‘роды’, ‘рождать’ и т. д.) [Ибраимова и др., 2021]. С. В. Бурдун, рассматривая концепты ОТЕЦ, МАТЬ и ДЕТИ в контексте кубанской фразеологии, выявляет приращённые значения эксплицирующих контексты лексем, определяет их значимость в отношении к категории «свой — чужой» [Бурдун, 2020].

Внимание некоторых лингвистов сконцентрировано на отдельных составляющих понятийной сферы «Материнство». Лексике крестильно-родильного обряда посвящены исследования Л. С. Кара-оол [Кара-оол, 2019], В. Б. Бакулы [Бакула, 2016], И. В. Поповичевой [Поповичева, 1999], номинации, обозначающие состояние беременности, описываются Е. М. Лазаревич [Лазаревич, 2014] и Г. Р. Каримовой [Каримова, 2020], диалектные обозначения женщины-матери рассматриваются Н. Г. Архиповой [Архипова, 2013] и М. А. Толстой [Толстова, 2020], особенности семантики слов лексического поля «Воспитание» интерпретируются в работах Т. В. Леонтьевой [Леонтьева, 2013] и С. М. Толстой [Толстая, 2016]. Заслуживают внимания работы языковедов Томского государственного университета, занимавшихся изучением понятия «детство» в традиционной культуре. В рамках исследования авторами на материале среднеобских говоров систематизируются слова нескольких тематических групп, в том числе групп «Беременность, роды», «Воспитание, уход за ребенком»

[Словарь детства, 2018, с. 44—58, 146—160]. Лексика, репрезентирующая представления о материнстве, получает в указанных работах как лингвистические, так и культурологические комментарии.

Основным источником материала послужили лексикографически обработанные неопубликованные полевые записи устной речи диалектоносителей (далее — ЛОНЗ), собранные авторами во время диалектологических экспедиций (с 1998 по 2019 годы). При сборе региональных материалов в генеральную совокупность («множество индивидов, чьи языковые особенности являются объектом конкретного анализа» [Беликов и др., 2001, с. 191]) были включены респонденты, удовлетворяющие следующим критериям: **место проживания** (постоянное или долговременное проживающие на территории бытования русских старожильческих говоров юга Тюменской области, которые сформировались как говоры вторичного образования (конец XVI — середина XVIII веков) на основе различных диалектов севернорусского наречия [СРСГ, т. 1, с. 5]), **этническая принадлежность** (русский), **возраст** (представитель старшего поколения), **образование** (отсутствие образования), **степень владения диалектом** (высокая степень сохранности диалектных явлений в речи). Такой подход к отбору членов генеральной совокупности представляется наиболее оправданным, поскольку позволяет установить весь спектр ситуаций, приобретающих языковую оценку в сельской местности, и выявить единицы лексической системы говоров от локально ограниченного вокабуляра до лексических явлений, известных общенародному языку.

Для дополнительной верификации номинаций к анализу были привлечены иллюстративные материалы «Словаря русских старожильческих говоров юга Тюменской области» (далее — СРСГ) и «Фразеологического словаря русских говоров Тюменской области (далее — ФСРГ), репрезентирующие лексику периода с 50-х годов прошлого века до наших дней. В качестве материалов для сравнительно-сопоставительного анализа использовались «Словарь русских народных говоров» (далее — СРНГ) и нормативные словари русского языка.

Материалы исследования включают более 500 лексико-фразеологических единиц. Зафиксированные в источниках лексические репрезентанты материнства получают лексикографическое описание, снабжаются лингвистическим и культурологическим комментарием с учетом их контекстуального употребления.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Отражение представлений о беременности и рождении ребенка в народной лингвокультуре

В говорах юга Тюменской области женщину, вынашивающую ребёнка, называют *берёменной*, *брюхатой*, *тяжёлой*. В большей части контекстов указанные обозначения выступают как взаимозаменяемые, поскольку они имеют тождественное значение при разной стилистической (*берёменная* — *брюхатая*) и эмоциональной (*брюхатая* — *тяжёлая*) окраске. В качестве синонимических замен по отношению к данным номинациям выступают устойчивые сочетания *на последних порáх*, *на сносях*, *быть в тягости*, *быть в положéнии*, *прибавлénия* / *ребёнка ждáть*, *последнё вре́мё ходи́ть*, *пу́зо вы́ше нóса*, *ребёнок у сёрдца леж́ит*, *дитя́ под сёрдцем носи́ть*, *двé души́*. Интегральная сема указанных номинаций ('быть беременной') позволяет объединить их в один синонимический ряд, а дифференциальные семы дают возможность проанализировать расширенную семантическую структуру ряда и актуализированные оттенки значения: *на сносях*, *на последних порáх*, *последнё вре́мё ходи́ть*, *последние дни ходи́ть* → 'о беременной женщине, которая должна родить в ближайшее время', *пу́зо вы́ше нóса* → 'о беременной женщине, у которой заметны значительные изменения фигуры', *ходи́ть в положéнии* → 'о беременной женщине, которая отличается от других женщин особым положением' (ср.: *положение* 'состояние, обусловленное какими-л. обстоятельствами' [МАС]), *ждáть прибавлénия* → 'о беременной женщине, которая ждет появления ребенка', *дитя́ под сёрдцем носи́ть*, *ребёнок у сёрдца леж́ит*, *двé души́* → 'о беременной женщине, тело которой воспринимается какместилище новой жизни' (ср.: *неплодоно́сная*, *пустя́я*, *поро́жня* 'бесплодная женщина') и т. д. Таким образом, устойчивые сочетания, выступающие в качестве непрямого обозначения беременной женщины, акцентируют внимание на смене статуса женщины, изменениях фигуры, сопутствующих новому состоянию, на специфике проявления состояния и задачах, возложенных на будущую мать.

Значительная часть вариативных обозначений состояния беременной женщины носит метафорический характер. Вторичные значения развиваются в результате ассоциаций с *тяжестью* (*быть в тягости*, *быть тяжёлой* 'быть беременной', *отяжелéть*, *затяжелеть* 'забеременеть'), *ношей* (*оберёменеть* 'забеременеть' от *беремя* 'нечто тяжкое, трудное; время' [СРСГ, т. 1, с. 52], *быть на сносях* 'на последнем сроке беременности', *ребёнка носить* 'быть беременной') или *большим животом* (*брюшко нажить* 'о нежелательной беременности', *брюхата* 'беременная'). Судя по примерам, в таких номинациях реализуется характеристика по яркому, обращаемому на себя внимание признаку: *забрюхати́ть* 'забеременеть', *обрюхати́ть* 'оплодотворить, сделать беременной', *оберёменеть* 'забеременеть' и др. Многообразие обозначений состояния беременности объясняется тем, что в народной культуре обычно «вербализируются те

концепты, которые представляются говорящему важными» [Почепцов, 1990, с. 111—112]. Вслед за Е. А. Нефедовой, квалифицируем подобные номинации как «лингвоспецифичные», поскольку они содержат значимую для носителей языка идею. По мнению исследователя, их специфика «проявляется в характере и степени “культурной разработанности” одного и того же фрагмента действительности в литературном языке и диалектной системе» [Нефедова, 2015, с. 258].

Создание дополнительной номинативной единицы может быть связано с намеренной заменой эвфемизмом уже существующего в языке слова. Каузативной основой использования непрямого обозначения является стремление вывести из фокуса внимания адресата те свойства объекта, которые адресант хочет завуалировать. Эвфемизм в ситуации замены может выступать смягченным вариантом замещаемого слова (*быть в положении, дитё под сердцем носить* ‘о состоянии беременности’), маскировать, вуалировать суть явления (*брюхо набегать, брюшко нажить* ‘о нежелательной беременности’ — иносказательное обозначение вследствие обобщенности содержания позволяет избежать конкретизации состояния объекта эвфемизации), быть субститутотом, служащим оберегом (*брюхата, пузо выше носа* ‘о состоянии беременности’ — замещающая номинация «выводит» из активного сознания адресата информацию о состоянии объекта эвфемизации, перемещает внимание на другие признаки). Появление лексико-фразеологических единиц последней группы связано с верой носителей языка в магию слова, способного защитить мать и будущего ребенка от проблем, сопряженных с её состоянием, которое «считается опасным (иногда нечистым) как для самой беременной женщины, так и для окружающих» в связи «с присутствием в ней двух душ» и её близостью к пограничному состоянию между реальным и потусторонним миром, «к границе жизни и смерти» [Славянские древности, т. 1, с. 160].

С темой беременности и родов в языковом сознании сельского жителя сопрягается сравнительно небольшой репертуар лексем, обозначающих женщину, оказывающую помощь роженицам (*родилкам, родихам*) в родах (*родинах*): *повитуха, повивалка, повивальная бабка, баушка, бабка*. Для обозначения деятельности повивальной бабки используются номинации *баушничать, бабить, бабничать, ездить по бабушкам* (*Катерина у меня баушничала* [СРСГ, т. 1, с. 43]; *Там бапка была, она бабничала. Бабничать — ранешно слово, повитуха, как вроде акушёрка* [Там же, с. 43]; *Она ездила по бабушкам, принимала роды у жэньщин* [ФСРГ, с. 91]).

Общая с литературным языком лексема *бабушка (баушка)* является полисемантом и реализуется в говорах в следующих значениях: 1. Мать отца или матери. *Бабушка со мнучатам водится* [ЛОНЗ]; 2. Старая жен-

щина, старуха. *Одна бабушка рассказывала...* [ЛОНЗ]; 3. Знахарка. *Раньше бабушки лечили* [СРСГ, т. 1, с. 31]; 4. Женщина, оказывающая помощь во время беременности и родов. *Дом з баушкой рожали, баушка специальная была* [ЛОНЗ]. Номинация *бабка* объединяет аналогичные значения — ‘родная бабушка’, ‘свекровь’, ‘знахарка’, ‘повитуха’. Несколько значений имеет лексема *бабничать* — 1. Помогать при родах, принимать детей. *Там бабка была, она бабничала* [СРСГ, т. 1, с. 43] 2. Проявлять повышенный интерес к женщинам. *Он только бабничать и умеет* [ЛОНЗ]. Значение ‘помогать при родах, принимать детей’ также реализуется в слове *бабить*. Мотивирующей для него является лексема *бабка* в значении ‘женщина, оказывающая помощь во время родов’. Глагол *баушничать*, образованный от производящей основы *баушка*, используется в значении ‘помогать при вынашивании ребёнка, принимать роды’.

Активное использование дериватов с корневым морфем -баб- для маркирования ситуации беременности и родов не случайно. О. В. Никифорова считает, что данные номинации подчёркивают «духовное родство, возникающее между повивальной бабкой и новорожденным, подобно родственной связи бабушки и внука» [Никифорова, 2017, с. 2]. Избираются подобные номинации еще и потому, что именно пожилая женщина, «переходя из возраста бабы в возраст бабушки, согласно народным представлениям, очищается и может помогать другим: принимать роды, лечить больных, обмывать покойника» [Там же].

Рождение ребенка в речи носителей тюменских говоров может обозначаться глаголами с прямым номинативным значением (*рожать*, *родить*, *рождать*) и глаголами, исходное значение которых метафорически переосмысливается на основе сближения предметов по разным признакам: *добывать* ‘доставать, получать’ [МАС] (ср.: *Имели скотá, косили, детей добывáли* [ЛОНЗ]); *носить* / *наносить* ‘принести в несколько приемов в каком-либо количестве’ [МАС] (ср.: *Взáмуш вышла, деток наносила и всё так живу́* [ЛОНЗ]); *накопить* ‘копá, собрать в каком-либо количестве’ [МАС] (ср.: *Пятеро детей накопи́ла* [ФСРГ, с. 80]); *собрать* ‘добывая, разыскивая или приобретая, сосредоточить, скопить где-нибудь’ [ТССРЯ] (*Зáмуш вышла, детей собрала́* [ЛОНЗ]); *рассыпаться* ‘распадаться на части’ [МАС] (ср.: *Жанá-то, мо́жет, и рассыпалась ужé, давно не пи́шут* [ЛОНЗ]); *опростаться* ‘стать пустым, опорожниться’ [МАС] (ср.: *Опроста́лася* (о соседке) — *сла́внинькой парни́шчыко у их.* [СРСГ, т. 2, с. 97]); *принести* ‘дать, доставить’ [МАС] (ср.: *Покóс подошёл, а ево́нна ба́ба фчера́сь принесла́ ро́бенка* [СРСГ, т. 2, с. 237]); *найти* ‘обнаружить, отыскать’ [МАС] (ср.: *Меня́ нашли́ онí, отцу́ было́ шы́сят пýть лет, а ма́ме sóрок двá* [ЛОНЗ]); *скинуть* ‘бросить вниз откуда-либо, с чего-либо; сбро-

силь' [MAC] (ср.: *Рожáли ф по́ле, в ба́не. Никі́тишна до до́му зашла́ и ски́нула* [ЛОНЗ]).

Представление о родах, таким образом, передаётся посредством бытийной метафоры, позволяющей говорящим интерпретировать ситуацию через сравнение с повседневными действиями. В частности, наблюдаем следующие модели семантических переходов: глагол, указывающий на способ осуществления действия → родить в каком-нибудь количестве (*настрогать, насобирать, накопить, найти*), глагол, обозначающий физическое воздействие на предмет → разрешиться от бремени, родить (*скинуть*), глагол, обозначающий движение сыпучего вещества, распад чего-либо → родить (*рассыпаться*), глагол, обозначающий движение, перемещение в пространстве → родить (*принести*) и т. д. В семантической структуре приведённых метафор соотносятся прямое значение слова, подвергнутого метафоризации, новое предметно-логическое содержание и дополнительная характеристика действия, например, указание на способ его осуществления (*собирать, копить, нажить*), характер протекания (*скинуть* 'о быстрых и несложных родах', *опростаться* 'обычно о трудных, длительных родах'), завершенность, полноту (*добыть*), характер достигаемого действием результата (*рассыпаться, наплодить* 'произвести на свет в большом количестве'). Как следствие, различные семантические трансформации глаголов позволяют варьировать репрезентацию одного и того же явления, меняя его смысловую и эмоциональность направленность: *Моя сноха́-та ишо́ на то́й ниде́ле опроста́лась, парні́шка прине́сла* [СРСГ, т. 2, с. 97], *А ско́лько я робя́т роди́ла, ско́лько на свет пусы́тила!* [ЛОНЗ], *Рожда́ли мно́го ра́ньшэ <...> Мои роди́тели пожа́нились и вот накопи́ли наз де́вядь де́тушэ́к* [ЛОНЗ].

Вариативность непрямых обозначений рождения ребёнка также может быть обусловлена сложившейся в языке традицией табуирования сакральных тем. Родильная лексика с древности подвергалась разнообразным запретам, поскольку была сопряжена с таинственными и необъяснимыми сферами человеческого бытия, вызывающими страх, «а все пугающее в культуре издавна связано с разного рода защитными обрядами, ритуалами, магическими действиями и запретами» [Славянские древности, т. 4, с. 451]. Метафорические замены, таким образом, позволяли скрыть истинное положение дел и тем самым обеспечивали безопасность матери и ребёнка, охраняли их от злых духов. О. С. Орлова считает, что прием метафорического кодирования отвечает стратегии «перефокусирования с существенных характеристик объекта на несущественные или на общую характеристику ситуации» [Орлова, 2020, с. 106]. По мнению Л. Ю. Зориной, в таком наименовании (опосредованном, затемненном) «проявляется

семантическая редукция: в эвфемизме по сравнению с прямой номинацией сокращена, стёрта доля информации» [Зорина, 2008, с. 113].

3.2. Социальный аспект материнства и его отражение в диалектной речи

В деревенском дискурсе материнство воспринимается положительно, если ребенок был зачат в браке. К беременности вне брака и внебрачным детям относятся как к ситуации, нарушающей привычный уклад жизни и устоявшиеся моральные нормы: *Стра́м-от ка́кой — ф подо́ле принесла́* ('родить вне брака') [СРСГ, т. 2, с. 291]; *Плохи́х-то одна́ко де́вок не́ было. У нас ту́т одна́ еди́нственна де́ушка брю́шко нажыла́* [ЛОНЗ]. Данным фактом можно объяснить наличие негативной оценочной мотивации во многих региональных обозначениях внебрачного ребенка: *сура́з* (возможно, от диалектного сибирского *сура́з* 'несчастье' [ЭСРЯ] или 'бедовый случай, удар, огорчение' [ТСЖВЯ]), *курвёнок* (от бранного *ку́рва* 'девушка лёгкого поведения' [ЭСРЯ]), *незаконник* (от слова *незаконный* 'не основывающийся на законе, нарушающий закон' [МАС]).

Незаконность появления на свет может подчеркиваться негативно-оценочными лексемами с псевдолокальным значением, указывающим на неправильное, с точки зрения социума, поведение будущей матери: *зауо́льник* (мотивировано существительным *уго́л* 'часть дома, квартиры; жилище, пристанище' [МАС]), *подзабо́рник* (мотивировано словом *забор* 'ограда' [ТССРЯ]), *подсто́жник* (мотивировано словом *стог* 'большая копка сена, соломы или необмолоченного хлеба' [МАС]), *нагу́ленной, нагу́льной* (мотивированы глаголом *нагуля́ть* 'забеременеть, родить, не состоя в браке' [МАС]), *нахо́дный, нахо́дник* (мотивировано словом *находить* 'в результате поисков обнаружить; отыскать' [МАС]), *на́йда* (от причастия *найденный*, образованного от глагола *найти*). Апеллятивы, положенные в основу производных лексем, уточняют способ обретения ребёнка (каким способом? → нагулять, найти и т. д.) или место «предполагаемого зачатия или рождения» [Славянские древности, т. 4, с. 414], которое всегда находится вне дома и оценивается как неправильное, противоречащее естественному ходу событий (где? → под забором, под стогом, за углом). Приведённые примеры свидетельствуют о том, что в народном представлении нарушение верности неразрывно связано с мотивом изменения места: супруги связаны общим домом, а тот, кто стремится к измене, нарушая границы своей территории, осваивает чужое пространство [Малькова, 2019, с. 47—56; Кучко, 2017, с. 483]. Неслучайно для обозначения беременности, возникшей вне брака, используются негативно-оценочные номинации, образованные с использованием глаголов движения: *нагуля́ть, брюшко набегать, в подоле принести*.

К коннотативной лексике относится номинация *пóбочень*. Значение ‘внебрачный ребенок’ здесь развивается на базе символической семантики бока и пересекается со значением ‘отойти от основной линии развития, отделиться’ (ср.: *боковой* ‘исходящий сбоку; направленный вбок’ [ТСРЯ]), а отклонение маркируется негативно: *Пóбочень — это когдá не от мужа ребёнок-от*. [ЛОНЗ].

Названия могут указывать на отсутствие у ребёнка законного отца: *безотцовщина, девичий* или *девкин парень, не наше (чужое) семья*. В сочетании *чужое семья* обобщена легко восстанавливаемая адресатом информация о том, что ребенок был рожден вне брака и воспитывается неродным отцом. В сочетании *девичий парень* актуализируется информация о том, что мать ребёнка, будучи незамужней женщиной, родила его вне брака, что у ребёнка нет отца и воспитывает его одна мать (или же мать и отчим).

Таким образом, в условиях народного речетворчества в слове закрепляется актуальный для говорящего дифференциальный признак объекта номинации, часто социально значимый.

Мать играет важную роль в жизни ребенка (ср. *Отцѡв — как псов, а мать одна* [ФСРГ, с. 204]). Она вскармливает младенца, заботится о нем, оберегает и защищает, формирует первые представления о норме и антинорме. Не случайно лексема *мать* представлена в изучаемых говорах разноаффиксальными, в основном диминутивными, дериватами: *маменька, мамка, мамонька, мамочка, мамулечка, мамунечка, мамуля, мамынька, матерь, матка, матонька, матушенька, матушка*. Помимо указанных образований, в значении ‘мать’ активно употребляется устаревшая лексема *родительница* (*Родительницей звали мать-то ф стары-то годы*. [СРСГ, т. 2, с. 238]; *Мнѣ уж вѡсемьдесят, а родительнису-ту свою я споминáю кáжэн дѣнь*. [Там же]). Оба обозначения обладают схожими коннотациями, однако номинация *родительница* может носить оттенок почтительности и использоваться как официальное уважительное обращение к собственной или к чужой матери.

Действия по уходу за младенцем обозначаются разнообразными глаголами: *сосѣть / насосѣть, пососѣть* ‘кормить грудью’ / ‘накормить грудью’; *скручивать* ‘пеленать’; *юкать, зыбать / позыбать* ‘качать’ / ‘покачать’ (мотивировано субстантивом *зыбка* ‘колыбель’); *водѣться* ‘ухаживать за маленькими детьми; нянчиться’, *нянькать* ‘нянчить’. Некоторые лексемы данной группы входят в конверсивные отношения, поскольку описывают попеременные субъектно-объектные действия матери и ребенка, что еще больше подчеркивает неразрывную связь матери и младенца. Так, у глагола *сосѣть* в тюменских говорах, помимо указанного, фиксируется значение ‘сосать’ (ср.: *Родяца, мѣсец с нѣй побудут, сосѣли грудь-то* [СРСГ, т. 2, с. 281] и

Насоу́ робёнка, дак спі́т [Там же, с. 46]). Глагол *о́кать* ‘усыплять баюкая’ называет традиционное материнское действие по отношению к только что родившемуся ребенку, а вот возвратная форма этого же глагола обозначает действие, производимое ребенком — *о́каться* ‘убаюкивать себя (о ребенке)’ (ср.: *О́кайся, сыно́к, о́кайся, засыпа́й*. [Там же, с. 90]).

Глаголы, имеющие в своей семантической структуре первичное значение ‘воспитывать’, представлены в нашей картотеке сравнительно небольшим количеством единиц: *воспíтывать* (*О́н ы робя́т-то сво́их хорошо́ воспитáл* [ЛОНЗ]), *перевоспитáть* (*Хто ё́ё перевоспита́т, таку скотоу́тро́бную, такі́ нехоро́шы посту́пки де́лад дак* [Там же]), *воспита́нье де́лать* (*Де́ти плохи́е у их. Пра́вильно воспита́ньё де́лать на́до*) [Там же]. Понятие ‘воспитывать’ вербализуется также посредством прямых обозначений с корнем *-рост-* / *-раст-* / *-раиц-* / *-рос-* (*ро́стить, изро́стить, подро́стить, взро́стить, расти́ть, дорасті́ть, дора́щивать, подра́щивать, возрасти́ть*) и переносных. Основным способом вторичной номинации является метафорический перенос. В исследуемых говорах выделяем несколько моделей метафорических переходов, в результате которых формируется система номинаций со значением ‘воспитывать’. Активна, например, модель переноса ‘водить’ → ‘воспитывать’, производящей основой для которой стали глаголы с первичным значением движения — *вывести* ‘привести куда-л., помогая идти, указывая путь или направляя движение’ [МАС], *довести* ‘ведя, доставить до какого-л. места’ [МАС]: *Де́ток в лю́ди вы́вели, пора* <умирать> [ФСРГ, с. 50], *Фсёх дете́й вы́растила, до ума́ довела́* [ЛОНЗ] и т. д. Метафора перемещения объекта в пространстве сближает перечисленные номинации с глаголами *тянуть* ‘тащить, волочить’ [ТСМАС], *подтянуть* ‘таща, волоча, приблизить к кому-, чему-л.; подтащить’ [МАС], *вытянуть* ‘таща, извлечь откуда-л.; вытащить’ [МАС], которые бытуют в говорах в значении ‘вырастить, воспитать ребенка, довести его до самостоятельности’. В основе модели ‘тянуть’ → ‘воспитывать’ обнаруживаем сходство воспитания с движением до определенной точки, какого-либо предела (*подтянуть* — ‘подтащить, приблизить к чему-л.’ [МАС]): *Она́ одна́ дво́их дете́й тя́нет* [ЛОНЗ], *Ишо́ охота́ вну́чать поты́ену́ть, подро́сьтити́* [СРСГ, т. 2, с. 164] и т. д.

Модель ‘ставить’ → ‘воспитывать’ отражает иное осмысление процесса воспитания. Здесь семантический переход основывается на идее понимания воспитания как оказания поддержки детям, которые еще не стоят на ногах. Модель реализуется на примере глагола *поставить* ‘придавать стоячее положение, располагать, укреплять в стоячем, вертикальном положении’ [МАС]: *Тро́их де́тушэ́к на́ ноги поста́вила* [ЛОНЗ]. Модель метафорического переноса ‘поднимать’ → ‘воспитывать’ (*на́ ноги подня́ть, на́*

ноги *подымать*) представляет схожее восприятие реципиентами процесса воспитания. Следуя этой модели, метафорически производное значение ‘воспитывать’ развивается в семантике глагола *поднять* ‘переместить, перенести или перевезти куда-л. наверх’ [МАС]: *Мужыкы убілі, дитэй одна подыне́ла...* [ЛОНЗ], *Я не рóбила, робя́т на ногі подыма́ла* [Там же].

Семантическое развитие модели ‘кормить’ → ‘воспитывать’ отмечается в структуре сочетания *спойть-скормить* (*Де́вяць <детей> она́ спойла-скорми́ла, а одна́ померла́* [ФСРГ, с. 62]). Здесь, по мнению С. М. Толстой, проводится «связь между понятиями питания-кормления и воспитания-взрачивания потомства» [Толстая, 2016, с. 23]. Переносное, «непищевое» (в терминологии С. М. Толстой), значение входит в семантическую структуру глагола *питать* и его дериватов (*воспы́тывать, воспита́нье де́лать* и др.). Семантический сдвиг ‘кормить’ → ‘воспитывать’ объясняется тем, что «питание является условием поддержания жизни, оно предполагает заботу <...> о детях, которых родители до определенного возраста кормят и воспитывают, т. е. вскармливают не только физически, но и умственно и духовно» [Толстая, 2016, с. 22].

В основе образа ‘шпорить’ → ‘воспитывать’ лежит характеристика способа действия, совершаемого тем, кто воспитывает ребёнка. Примером такого семантического развития являются глаголы *шпорить, пришпорить* с исходным значением ‘ударять шпорами по бокам лошади, чтобы заставить ее быстрее двигаться; перенос. принудить чем-н. к более скорой, энергичной деятельности’ [ТССРЯ]. В данных номинациях эксплицируется мотив воспитания в строгости: *На́до бы́ло сызма́лосьти шпо́рить, не роспу́шиша́ть парни́шка-та.* [СРСРГ, т. 2, с. 398]; *Учи́ ево́, шпо́рь, по́ка поперёк ла́вочки лежа́йт* [Там же].

Понимание воспитания, базирующееся на характеристике способа действия, совершаемого в отношении ребёнка, отражается в модели семантического перехода ‘держать’ → ‘воспитывать’ (*держа́ть, держа́ть во всех во́жжах, держа́ть в стро́гости, держа́ть в рука́х*). Примером такого семантического развития является глагол *держать* (‘служить опорой чему-л.; поддерживать, не давать выпасть’ [МАС]): *Ма́чеха нас хоро́шо держа́ла, жале́ла* [ЛОНЗ], *Дете́й не́ было, да́к оне́ покорми́шу держа́ли* [Там же]. Воспитание детей концептуализируется как «сохранение определённого состояния; опека, контроль»: *Ле́лька* (‘крёстный отец’) *ниче́, держа́л как за свои́х (держа́ть как за свои́х ‘проявлять заботу, относиться с добротой, растить как собственных детей’ [ФСРГ, с. 79]), Держы́ш во фсе́х во́жжах, и то́ збива́юца з до́брой путе́.* (*держать во всех во́жжах ‘воспитывать очень строго, сохранять объект под своим контролем, ограничивать степень его свободы’ [Там же]*).

В некоторых контекстах реализован семантический перенос по модели 'ухаживать' → 'воспитывать'. Носителем метафорического образа выступают глаголы с типовой семантикой 'ухаживать, проявлять заботу о ком-либо': *дого́бить* ('воспитать, вырастить, дорастить до самостоятельности'), *дого́ивать* ('приводить в порядок, ухаживать'), *уходи́ть* ('беречь, сохранять, растить'), *обиха́живать* ('растить детей в заботе'): *Мне бы её* (об умершей дочери) *детей дого́бить и само́й мо́жно уходи́ть* [ЛЮНЗ], *Вари́ла да дога́ивала фсэх...* [СРСГ, т. 1, с. 198], *Она́ уходи́т дете́й, не ли́ница* [ЛЮНЗ], *До́чка-то у меня́ обихо́тка, за дете́ми сле́дит, обиха́живает* [Там же]. По мнению С. М. Толстой, глаголы, построенные по модели 'ухаживать' → 'воспитывать', включаются в ряд глаголов одного лексического поля, однако в них крайне слабо по сравнению с другими глаголами прослеживается мотив воспитания, поскольку главный акцент делается на улучшении, усовершенствовании жизни ребёнка [Толстая, 2016, с. 30]. С данными номинациями пересекаются, на наш взгляд, глаголы *нежить*, *изнежить* ('чрезмерно ухаживать, пестовать'), *изва́дить*, ('избаловать') с контекстным значением 'воспитывать, окружив чрезмерным вниманием, нежностью и любовью': *Взапра́вды онé изне́жыли иё, одна́ до́чь дак* [СРСГ, т. 1, с. 109], *На́с ек не не́жыли, ро́бидь заста́вля́ли, дак мы неко́вды не ве́ньгивали* [Там же, с. 96], *Изва́дили мальчи́шку, некако́ва заклі́ку не зна́т* [ЛЮНЗ].

Таким образом, народное представление о воспитании вербализируется в системе метафорических вариаций, для которых «воспитательная семантика» [Толстая, 2016, с. 30] в большинстве случаев не является основной: *воспитывать* ← *держать, поднимать, ставить, вести, тянуть, шпорить, нежить, питать, заботиться* и др.

Смерть одного или обоих родителей воспринимается как потеря привычного места в семейной иерархии, крушение сложившегося уклада жизни. Не случайно сиротство как новый статус ребенка респонденты связывают с таким набором признаков, как одиночество, бесприютность, утрата дома, семьи. По мнению М. М. Угрюмовой, язык всегда реагирует на подобные отступления от эталонной модели действительности, обозначая ситуацию при помощи соответствующих лексем [Угрюмова, 2014, с. 102—110]. Поэтому в речевых актах респондентов находит отражение широкий круг лексических и фразеологических реализаций, определяющих ребёнка, лишённого семьи: *сирота* (*сиротка, сиротина, сиротинушка*), *одинок, безродный, бесприродный, жить / расти / оста́ться в сирóтстве* (*в сирóтах*), *от ма́тери / отца́ / родителей оста́ться* (*В де́сье ф сирóсьве жы́ла, без ма́тери оста́лась* [ФСРГ, с. 95]; *Рослі́ мы ф сирóцтве, ничё хоро́шево не ви́дали* [Там же, с. 232]).

Детей, потерявших родителей, не оставляют без помощи, возможно, потому что в менталитете русского человека заложено представление

о том, что ребенок всегда должен быть *прию́ченным* (‘нашедший приют, убежище’). Мать или отец могли создать другую семью, и тогда функции по воспитанию и иждивению неродного ребенка брали на себя отчим или мачеха (*С мужыко́м-то сошлись, он привё́л свою́ до́чь, дак она́ бу́дет мне па́тчерка* [СРСГ, т. 2, с. 121]; *3 де́дом жы́ли три́цать два го́да. Моё́ва сы́на ро́сстил как своё́ва, не бежа́л* [ЛОНЗ]) или крёстные родители (*Ма́му схорони́ли. Дак ле́лька, мо́я крёсна, меня́ до неве́ст вё́расьтила* [ЛОНЗ]).

Для обозначения неродной матери в тюменских говорах используется небольшой круг лексем, включающий дериваты от корня *мат-* / *мач-*. В частности, в синонимическую парадигму понятия ‘неродная мать’ включены общерусская лексема *мачеха* (*А мене́ ничево́ не поку́пывала ма́чехата* [ЛОНЗ]), термин кровного родства *мама* и его дериваты *мамка*, *матушка*, *ма́монька* (*А ма́монька руга́ца ста́ла, ма́чеха* [Там же]; *Её́ (муку) се́ет ма́монька, ма́чеха мо́я* [Там же]). Кроме того, в качестве номинативов для обозначения *мачехи* (собственно, как и *отчима*) используются описательные выражения, включающие прилагательные *неродной*, *другой*, *чужой*, *второй*: *У меня́ ма́ть неродна́ была́, ма́чеха* [ЛОНЗ]; *Муш-то был, да дру́га одби́ла. Я не вы́шла в́зamuш, заче́м дете́й обижа́ть чю́жым отцо́м* [Там же]; *А в́зamuш не вы́шла. Фторо́й ходь золоти́й, а робя́там фсе́ в́оччим* [Там же]; *Ма́ть мо́я вы́шла за фторо́ва оца́* [Там же]) и др. Прилагательные, используемые в составе региональных обозначений неродных матери / отца, позволяют очертить «свое» пространство (*родной*, *свой*, *кровный*) и «чужое» (*неродной*, *другой*, *чужой*, *чужа́ющий*, *второй*). Указанная оппозиция разделяет мир ребенка на два полюса — близкий и безопасный (кровно-родственный, семейный) и далекий (чужой, незнакомый). Интересно, что прилагательное *чужой* может использоваться и по отношению к приемным детям: *На чю́жых дете́й в́ышла за́муш* [ЛОНЗ]; *Ми́шу-та маё́ва сасе́тка привара́жы́ла. Он ат сваё́й крави́начки на чю́жых дете́й уи́ёл* [Там же]. Как видим, в обоих случаях прилагательное не только указывает на чужое пространство, но и оценивает его как небезопасное.

Для обозначения усыновленных детей повсеместно употребляются общерусские термины кровного родства *дочь* (*до́чка*, *до́чечка*, *до́чушка*), *сын* (*сынóк*, *сынóчек*), термины заместительного родства *пасынок* (*па́сын*), *падчерица* (*па́дчерка*, *па́черка*, *падчеру́ха*), а также оценочные образования с прозрачной семантикой, указывающей на характер усыновления: *прие́мыш*, *прие́мка* (мотивировано глаголом *принять* ‘взять в свое ведение, распоряжение’ [МАС]), *покорму́шка*, *покормушечка*, *выкормок* (мотивировано глаголом *кормить* ‘давать корм, пищу’ [МАС]), *приведе́нка* (мотивировано глаголом *привести* ‘доставить куда-л.’ [МАС]), *взя́тыш* (мотивировано глаголом *взять* ‘принять с какой-л. целью, обязательством’ [МАС]): *Покорму́шку к себе́*

взяли [СРСГ, т. 2, с. 169]; *Ковд́а с мужыко́м-то сошл́ися, он́ привё́л свою́ до́чь, да́к она́ бу́дёт мнё́ па́тчерка* [Там же, с. 191]), *Не родна́ емя́ до́чь-та, приведё́нка...* [Там же, с. 191]) и др. Известны тюменским говорам и описательные конструкции *неродная дочь* (дочка, дочери), *приёмна дочь, чужая дочь; неродной сын* (сынок), *приёмный сын, приёмные дети*. Конструкции могут употребляться и как самостоятельные номинативы (*Неродно́й* (дочери) *ещё́ бо́льше припас́ала, што́п люди́ не осуд́или* [ЛОНЗ], *От не́приёмной до́чери ремез́ины* ('лоскут материи') *не вида́ла* [Там же]), и как уточняющие сочетания в пояснительном контексте (*Поста́ре-то неродна́ мнё́ до́чь, па́тчерка* [СРСГ, т. 2, с. 121], *Сы́н-от родно́й, а до́чь-та покорму́шка. Её́ с пят лед до́черью ши́ыта́ют* [Там же, с. 169]).

4. Заключение = Conclusions

1. Исследование показало, что среди номинаций, представляющих поятийную сферу «Материнство» в русских говорах юга Тюменской области, к числу активных относятся названия, обозначающие состояние беременности (*бы́ть в тя́гости, двé души́*), рождение ребенка (*опростáться, прине́сти, сќинуть*) и ухода за младенцем (*уходи́ть, ня́нкать, о́кать, скру́чивать*), номинации внебрачного (*подзабо́рник, сурáз*) и усыновлённого ребёнка (*падчеру́ха, приё́мка, покорму́шка*). К числу редко употребляемых относятся устаревающие по экстралингвистическим причинам названия женщины, оказывающей помощь во время родов (*повивáлка, ба́ушка*), и её действий (*ба́бничать, э́здить по ба́бушкам*).

2. Описываемая лексика неоднородна по своему составу и включает общеупотребительные слова, функционирующие в литературном языке (*беременная, роженица, мать*), разговорные (*обрюха́тить, води́ться, безотцо́вщина, нагу́льный*) и собственно диалектные, имеющие ограниченную территорию распространения (*ба́ушничать, соси́ть*). Доминирующее положение занимает лексика, имеющая общерусское распространение. Треть анализируемых единиц является региональными лексемами, среди которых можно выделить собственно лексические (*зы́бать, сурáз, одино́к*), словообразовательные (*роди́лка, роди́ха, падчеру́ха*) и семантические диалектизмы (*накопи́ть, собра́ть, рассу́паться*). Многие относятся к полидиалектным единицам, известным как в русских говорах Тюменской области, так и в говорах севернорусского и южнорусского наречий: *роди́ха* [СРНГ, вып. 35, с. 132], *роди́лка* 'роженица' [СРНГ, вып. 35, с. 138], *носи́ть* 'рожать' [СРНГ, вып. 21, с. 288], *ба́ушка* 'повивальная бабка' [СРНГ, вып. 2, с. 29], *нагу́льный* 'рожденный вне брака (о ребенке)' [СРНГ, вып. 19, с. 218] и т. д.

3. Единицы анализируемого лексико-фразеологического пласта включаются в парадигматические отношения. В частности, отмечаем нали-

чие синонимических связей, образующих большое количество рядов номинаций с совпадающим денотатом и различными сигнификатами: *оберёменеть* — *отяжелеть*; *скинуть* — *рассыпаться* — *опростаться*. В синонимические отношения могут вступать отдельные слова, свободные сочетания слов и фразеологизмы: *заберёменеть* — *брюхо набегать*; *приёмна дочь* — *неродна́ дочь* — *приёмка* — *приведёнка*. Парадигмы слов, находящиеся в синонимических отношениях, могут объединять как разнокорневые (*родить* — *принести*), так и однокорневые разноаффиксные синонимы (*покормушка* — *в́ыкормок*; *роженица* — *роділка* — *родіха*), различающиеся оттенками значения и эмоционально-экспрессивной окраской. Среди компонентов синонимических цепочек можно обнаружить абсолютные синонимы (*повиту́ха* — *повива́лка*, *роды* — *родіны*); семантические, различающиеся оттенками значения (*сура́з* — *курвёнок* — *пóбочень* — *зауго́льник*) и эмоционально-экспрессивные (*сирóтка* — *сироти́на* — *сироти́нушка*; *покорму́шка* — *покорму́шечка*). Употребление синонимов может быть связано с необходимостью фокусировки внимания на конкретных характеристиках объекта номинации (*брюха́тая* — *тяжё́лая*), передачи дополнительных оттенков смысла и акцентирования внимания адресата на нюансах (*пу́зо в́ыше но́са* — *две́ души́*; *пóбочень* — *курвёнок*) и т. д.

4. В лексико-фразеологической макросистеме тюменских говоров выделяются следующие номинации с соотносительной противоположностью значений: общерусские пары (*ма́ть* — *ма́чеха*), собственно диалектные оппозиции (*плодоно́сная* — *поро́жняя* ‘бесплодная’), также комбинации компонентов указанных пар (*бездетная* — *сарыня́стая* ‘многодетная’). Как показывают проанализированные контексты, в количественном отношении в них явно преобладают контрарные пары, состоящие из общенародного и диалектного слов. Пару могут составлять разнокорневые слова (*кровный* — *чужой*) и однокорневые, различающиеся префиксами (*родна́я* — *неродна́я* (мать), *кро́вный* — *некро́вный* (ребёнок)). Нередко парадигму образуют слова разных частей речи, а также описательные обороты: *находный* — *нахо́дник*; *кровино́чка* — *чужа́ющий ребёнок*). Антонимичность приведенных номинаций подтверждается их неоднократной фиксацией в контрарных контекстах.

5. Результаты исследования лексики тюменских говоров в заявленном аспекте позволяют говорить о многочисленных случаях полисемии, возникшей на базе метафоры. Субстантивные и адъективные метафорические номинанты представлены в тюменских говорах следующими моделями: растительный мир → человек (*непло́дная*, *неплодоно́сная* ‘о неспособной к деторождению женщине’; *чужое семя* ‘внебрачный ребёнок’), человек → человек (*ба́ушка* ‘женщина, оказывающая помощь роженицам’),

мáмка, мáтушка ‘мачеха’). Глагольная метафора реализуется разными моделями, например, понести → забеременеть; скинуть → родить; собирать → произвести на свет в большом количестве; держать → воспитывать; шпорить → воспитывать. Наблюдения над явлениями семантической деривации в лексико-фразеологической системе тюменских говоров позволяют сделать вывод о том, что в речевой практике диалектоносителей производные значения чаще развивают общенародные слова, а не диалектные.

Как показало исследование, представления информантов о материнстве реализованы в чрезвычайно богатом и детализованном словаре, характеризующемся множественностью наименований одних и тех же реалий, различающихся способами семантического маркирования. Полученные данные дают возможность сформировать представление о системности лексики понятийной сферы «Материнство», а также сделать вывод о своеобразии диалектной картины мира носителей говоров.

Источники и принятые сокращения

1. ЛОНЗ — *Лексикографически* обработанные неопубликованные (рукописные) записи, произведенные авторами с целью изучения русских говоров Тюменской области. (личный архив).
2. МАС — *Словарь русского языка* : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
3. СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—2021. — Вып. 1—52.
4. СРСГ — *Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области* : в 2 томах / под ред. С. М. Беляковой. — Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2014.
5. ТСЖВЯ — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Москва : Мир книги, 2003. — Том 11. — 400 с.
6. ТСРЯ — *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д. В. Дмитриева. — Москва : Астрель, 2003. — 989 с. — ISBN 5-271-06086-1.
7. ТССРЯ — *Толковый словарь современного русского языка* / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Аделант, 2014. — 800 с.
8. ФСРГ — *Багирова Е. П.* Фразеологический словарь русских говоров Тюменской области / Е. П. Багирова, С. М. Белякова. — Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2020. — 356 с.
10. ЭСРЯ — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. — Москва : Прогресс, 1986. — Том 3. — 832 с.

Литература

1. *Аванесян Н. К.* Языковая объективация концептуально-когнитивного фрейма «мать» в английском и русском языках : диссертация ... кандидата филологических наук / Н. К. Аванесян. — Пятигорск, 2012. — 207 с.

2. *Андреянова М. А.* Реализация концептосферы «материнство» в русском, английском и французском языках : диссертация ... кандидата филологических наук / М. А. Андреянова. — Казань, 2012. — 206 с.
3. *Андреянова М. А.* Реализация концепта 'мать (mother)' в русском и английском языках (на материале романов М. Горького и Дж. Э. Стейнбека / М. А. Андреянова, Г. А. Багаутдинова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2011. — № 17 (232), Вып. 55. — С. 17—22.
4. *Архипова Н. Г.* Образ женщины в народной языковой культуре / Н. Г. Архипова // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2013. — № 60. — С. 123—127.
5. *Атрощенко Е. О.* Функционирование концепта «Мать» в русской художественной прозе XIX века / Е. О. Атрощенко // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2014. — № 97. — С. 1—12.
6. *Бакула В. Б.* Лексика духовной культуры кольских саамов: на материале кильдинского диалекта саамского языка : диссертация ... кандидата филологических наук / В. Б. Бакула. — Ижевск, 2013. — 384 с.
7. *Беликов В. И.* Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — Москва : Наука, 2001. — 317 с. — ISBN 5-7281-0345-6.
8. *Борисенко Т. В.* Актуализация концепта материнство в русском медийном дискурсе / Т. В. Борисенко // Вестник Челябинского государственного университета. — 2021. — № 4 (450). — Филологические науки. — Вып. 124. — С. 15—20. — DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10402.
10. *Борисенко Т. В.* Концепты «МАТЬ» и «ОТЕЦ» в русской и англоязычной лингвокультурах / Т. В. Борисенко // Вестник Челябинского государственного университета. — 2020. — № 3 (437). — Филологические науки. — Вып. 120. — С. 47—55. — DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10306.
11. *Бурдун С. В.* Концепты МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ как репрезентанты мира «своих» (на материале кубанской фразеологии) / С. В. Бурдун // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Том 13, Вып. 4. — С. 13—18.
12. *Зорина Л. Ю.* Диалектная лексика говоров Вологодского края : методические материалы и научно-популярные очерки / Л. Ю. Зорина. — Вологда : Вологодский государственный педагогический университет, 2008. — 143 с. — ISBN 978-5-87822-357-7.
13. *Ибраимова Г. О.* Концептуализация родства в русской лингвокультуре: мирское, сакральное и десакрализованное (на примере макроконцепта мать и концепта сын) / Г. О. Ибраимова, А. А. Касимова // Вестник Марийского государственного университета. — 2021. — Т. 15, № 4. — С. 438—446. — DOI: 10.30914/2072-6783-2021-15-4-438-446.
14. *Кучко С. В.* Русская диалектная лексика со значением измены в любви: семантико-мотивационный аспект / С. В. Кучко // Славянский альманах. — 2017. — № 3—4. — С. 479—498.
15. *Леонтьева Т. В.* Лексика социальной регуляции в русских народных говорах / Т. В. Леонтьева. — Екатеринбург : РГПУ, 2013. — 219 с. — ISBN 978-5-8050-0515-3.
16. *Малькова Я. В.* Соперничество в любви в зеркале диалектной лексики (на материале говоров Русского Севера) / Я. В. Малькова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2019. — Т. 11, Вып. 3. — С. 47—56.
17. *Нефедова Е. А.* О региональных вариантах русской национальной картины мира / Е. А. Нефедова // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. — Краков, 2015. — Т. 2. — С. 257—264.

18. Орлова О. С. Принцип непрямой номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти языках : диссертация ... кандидата филологических наук / О. С. Орлова. — Москва, 2020. — 305 с.

19. Перевалова С. Г. Вербализация концепта «мать» («la mère») через пословично-поговорный и фразеологический фонды русского языка (на фоне французского языка) / С. Г. Перевалова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 2 (21). — С. 135—141.

20. Поповичева И. В. Структура и семантика родильно-крестильного обрядового текста : диссертация ... кандидата филологических наук / И. В. Поповичева. — Тамбов, 1999. — 273 с.

21. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Институт славяноведения РАН, 1995—2009.

22. Словарь детства : говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим описанием) / Н. А. Агапова, С. В. Волошина, Т. А. Демешкина и др.; под ред. М. М. Угрюмовой. — Томск : Изд-во Томского университета, 2018. — 200 с. — ISBN 978-5-7511-2566-0.

23. Толстая С. М. Питание и воспитание в зеркале славянской лексики / С. М. Толстая // Вопросы языкознания. — 2016. — № 2. — С. 22—36.

24. Толстова М. А. Вербализация концепта ЖЕНЩИНА (на материале женского диалектного дискурса) / М. А. Толстова // Критика и семиотика. — 2020. — № 2. — С. 114—128. — DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-114-128.

25. Угрюмова М. М. Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья : диссертация ... кандидата филологических наук / М. М. Угрюмова. — Томск, 2014. — 164 с.

Material resources

ESRYA — Vasmer, M. (1986). *Etymological Dictionary of the Russian*, 3. Moscow: Progress. 832 p. (In Russ.).

FSRG — Bagirova, E. P., Belyakova, S. M. (2020). *Phraseological dictionary of Russian dialects of the Tyumen region*. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University. 356 p. (In Russ.).

LONZ — *Lexicographically processed unpublished (manuscript) records made by the authors in order to study the Russian dialects of the Tyumen region*. (personal archive). (In Russ.).

MAS — Evgenieva, A. P. (ed.). (1999). *Dictionary of the Russian*, 4. Moscow: Russian language; Polygraphic resources. (In Russ.).

SRNG — *Dictionary of Russian folk dialects*, 1—52. (1965—2021). Moscow; Leningrad: Nauka. (In Russ.).

SRSG — Belyakova, S. M. (ed.). (2014). *Dictionary of Russian old-timer dialects of the south of the Tyumen region*, 2. Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University. (In Russ.).

TSRYA — Dmitrieva, D. V. (ed.). (2003). *Explanatory Dictionary of the Russian*. Moscow: Astrel. 989 p. ISBN 5-271-06086-1. (In Russ.).

TSSRYa — Ushakova, D. N. (ed.). (2014). *Explanatory Dictionary of the Modern Russian*. Ushakova. Moscow: Adelant. 800 p. (In Russ.).

TSZhVYa — Dal, V. I. (2003). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*, 11. Moscow: World of Books. 400 p. (In Russ.).

References

- Agapova, N. A., Voloshina, S. V., Demeshkina, T. A. et al. (2018). *Dictionary of childhood: dialects of the Middle Ob region (with a linguoculturological description)*. Tomsk: Publishing House of Tomsk University. 200 p. ISBN 978-5-7511-2566-0. (In Russ.).
- Andreyanova, M. A. (2012). *Implementation of the concept sphere "motherhood" in Russian, English and French*. PhD Diss. Kazan. 206 p. (In Russ.).
- Andreyanova, M. A., Bagautdinova, G. A. (2011). Implementation of the concept 'mother (mother)' in Russian and English (based on the novels of M. Gorky and J. E. Steinbeck). *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art History*, 17 (232), 55: 17—22. (In Russ.).
- Arkhipova, N. G. (2013). The image of a woman in folk language culture. *Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities*, 60: 123—127. (In Russ.).
- Atroshchenko, E. O. (2014.). The functioning of the concept "Mother" in Russian fiction of the XIX century. *Scientific journal of the Kuban State Agrarian University*, 97: 1—12. (In Russ.).
- Avanesyan, N. K. (2012). *Linguistic objectification of the conceptual-cognitive frame "mother" in English and Russian*. PhD Diss. Pyatigorsk. 207 p. (In Russ.).
- Bakula, V. B. (2013). *Vocabulary of the spiritual culture of the Kola Sami: on the material of the Kildin dialect of the Sami language*. PhD Diss. Izhevsk. 384 p. (In Russ.).
- Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2001). *Sociolinguistics*. Moscow: Nauka. 317 p. ISBN 5-7281-0345-6. (In Russ.).
- Borisenko, T. V. (2020). Concepts "MOTHER" and "FATHER" in Russian and English linguistic cultures. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 3 (437). *Philological sciences*, 120: 47—55. DOI 10.24411/1994-2796-2020-10306. (In Russ.).
- Borisenko, T. V. (2021). Actualization of the concept of motherhood in Russian media discourse. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 4 (450). *Philological sciences*, 124: 15—20. DOI 10.47475/1994-2796-2021-10402. (In Russ.).
- Burdun, S. V. (2020). Concepts MOTHER, FATHER, CHILDREN as representatives of the world of "their own" (based on the Kuban phraseology). *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 13(4): 13—18. (In Russ.).
- Ibraimova, G. O., Kasymova, A. A. (2021). Conceptualization of kinship in Russian linguistic culture: mundane, sacred and desacralized (on the example of the macro concept mother and the concept son). *Bulletin of the Mari State University*, 15 (4): 438—446. DOI: 10.30914/2072-6783-2021-15-4-438-446. (In Russ.).
- Kuchko, S. V. (2017). Russian dialect vocabulary with the meaning of betrayal in love: semantic and motivational aspect. *Slavic almanac*, 3(4): 479—498. (In Russ.).
- Leontieva, T. V. (2013). *Vocabulary of social regulation in Russian folk dialects*. Yekaterinburg: RGPPU. 219 p. ISBN 978-5-8050-0515-3. (In Russ.).
- Malkova, Ya. V. (2019). Rivalry in love in the mirror of dialect vocabulary (based on dialects of the Russian North). *Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*, 11 (3): 47—56. (In Russ.).
- Nefedova, E. A. (2015). On regional variants of the Russian national picture of the world. In: *Language and Method. Russian language in linguistic research of the XXI century*, 2. Krakow. 257—264. (In Russ.).
- Orlova, O. S. (2020). *The principle of indirect nomination in riddles and euphemisms on the theme of birth and death in languages*. PhD Diss. Moscow. 305 p. (In Russ.).

- Perevalova, S. G. (2016). Verbalization of the concept “mother” (“la mère”) through the proverbial and phraseological funds of the Russian language (against the background of the French language). *Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Linguistics and intercultural communication*, 2 (21): 135—141. (In Russ.).
- Popovicheva, I. V. (1999). *The structure and semantics of the maternity and baptismal ritual text*. PhD Diss. Tambov. 273 p. (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. (2016). Nutrition and education in the mirror of Slavic vocabulary. *Questions of linguistics*, 2: 22—36. (In Russ.).
- Tolstova, M. A. (2020). Verbalization of the concept WOMAN (based on the female dialect discourse). *Criticism and semiotics*, 2: 114—128. DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-114—128. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. (1995—2009). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary*, 5. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Ugryumova, M. M. (2014). *Linguistic and cultural portrait of a child in the dialects of the Middle Ob region*. PhD Diss. Tomsk. 164 p. (In Russ.).
- Zorina, L. Yu. (2008). *Dialect vocabulary of dialects of the Vologda region: methodological materials and popular science essays*. Vologda: Vologda State Pedagogical University. 143 p. ISBN 978-5-87822-357-7. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.01.2022,
одобрена после рецензирования 16.05.2022,
подготовлена к публикации 10.06.2022.